

на котором возникал нейроинфекционный процесс»¹⁶. Но почему именно нейроинфекционный? Ведь для любой инфекции более типично относительно сходное течение острого периода в основных его проявлениях. Кроме того, инфекционная природа этого заболевания до сих пор окончательно не доказана. С нашей точки зрения, подобная полиморфность клинических проявлений острого периода дополнительно свидетельствует о том, что инфекция может играть роль провоцирующего фактора, равно как и простуда, переохлаждение, травма и т. д. Роль подобных факторов в выявлении первых признаков наследственных заболеваний нервной системы давно известна.

Таким образом, в настоящее время не существует абсолютных данных, которые могли бы полностью опровергнуть мнение о возможной роли наследственности в происхождении заболевания «бохорор». Толчком к развитию болезни может явиться как специфическая инфекция, «срабатывающая» на наследственной предрасположенности, так и, очевидно, любой другой экзогенный фактор, включая неспецифическую инфекцию. Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении, накоплении большого фактического материала и применении новых, современных методов исследования. Нам кажется, что предлагаемая концепция в настоящее время, по-видимому, заслуживает внимания и нуждается в дальнейшей разработке наряду с поисками и в других направлениях (вирусология, генетика, вопросы питания, токсикология и др.).

Наконец, о названии болезни. Местное население на протяжении многих лет называет заболевание «бохорор», отчетливо выделяя его среди других болезней. Мы убедились в этом, когда беседовали со старейшими жителями ряда наслегов. Как отмечалось выше, «бохорор» означает «скованный», и именно это понятие очень точно определяет как ведущий неврологический, так и психопатологический синдром. Клинические признаки заболевания в сочетании с ориентировкой на инфекционную природу его послужили основанием для появления нового названия «вилюйский энцефаломиелит». Нам кажется, что местное, самобытное название этого своеобразного тяжелого заболевания, очень точно отражающее его внешние проявления, следовало бы оставить.

Использование данных, накопленных веками в памяти народа, сопоставление этнографического материала с представлениями современной медицины позволяют расширить возможности научного поиска.

¹⁶ П. А. Петров, Указ. раб., стр. 48.

КОММЕНТАРИЙ ЭТНОГРАФА

(К СТАТЬЕ К. Г. УМАНСКОГО)

Обычно медики, обращаясь к этнографии, интересуются главным образом народной медициной, т. е. способами лечения болезней, применяемыми тем или иным народом, народными медикаментозными средствами. К. Г. Уманский в своей статье сделал попытку привлечь якутские народные представления о заболевании, получившем название «вилюйский энцефаломиелит», для отыскания корней этого загадочного заболевания, встречающегося лишь у одной локальной группы коренного населения Виллюя. Представленные автором доказательства из области этнографии весьма убедительны. Количество примеров того, как само население Якутии оценивает эту болезнь, можно было бы увеличить. Но и то, что изложено автором, в достаточной мере служит подтверждением его гипотезы.

По мнению К. Г. Уманского, виллюйские якуты являлись в прошлом своеобразным изолятом. Он обосновывает это положение фольклорными материалами, которые, с

другой стороны, подкрепляют гипотезу о том, что путь предков якутов из Прибайкалья на Лену шел через Вилюй¹. В ее пользу говорят и данные географии: Ю. Г. Саушкин обратил внимание на то, что долина Верхней Лены крайне бедна луговыми пространствами, пригодными для кочевания со скотом².

Однако большинство якутоведов придерживается традиционной точки зрения, согласно которой южные предки якутов проникали в современную область расселения этого народа в течение длительного времени по р. Лене³. В подтверждение ее приводятся археологические данные, а также то соображение, что основная масса якутов к приходу русских была сосредоточена в Ленско-Амгинском междуречье.

Существуют два взгляда на древность вилюйской группы якутов. По мнению Г. В. Ксенофонтова, вилюйская группа древнее ленской. Это предположение в известной мере подтверждают и данные К. Г. Уманского. Однако в последние десятилетия накоплен значительный документальный материал, свидетельствующий о том, что бассейн р. Вилюя был широко освоен якутами сравнительно недавно. По данным Б. О. Долгих, к приходу русских в 1640-х гг. на Нижнем Вилюе, в Усть-Вилюйском зимовье, значилось всего 95 ясачных плательщиков-якутов, т. е. 380 человек. Эти якуты не имели лошадей и рогатого скота, были бедны и занимались главным образом рыболовством⁴.

В Средне-Вилюйском зимовье в середине XVII в. числилось несколько родов якутов, имевших лошадей и рогатый скот. Они составляли 330 ясачных плательщиков (1320 чел. обоого пола). Однако уже тогда в Средне-Вилюйском зимовье было много переселенцев из ленских улусов.

Таким образом к приходу русских вилюйские якуты представляли собой крайне малочисленную группу, насчитывающую не более 1500 чел. В верховьях Вилюя якутов тогда не было.

Данные Б. О. Долгих подтверждаются материалами С. И. Николаева и А. С. Парниковой, показавшими в исследованиях, что колонизация якутами среднего и верхнего течения Вилюя началась с середины XVII в., когда туда устремился поток переселенцев из Центральной Якутии⁵. По материалам И. Георги, во второй половине XVIII в. в трех вилюйских зимовьях уже насчитывалось 8598 муж. душ⁶. По переписи 1897 г. в бассейне Вилюя обитало 62 995 якутов обоого пола⁷. И несмотря на значительный рост населения, вилюйские якуты на протяжении XVII—XIX вв. оставались крайне обособленной группой.

Итак, вне зависимости от того, принимаем ли мы гипотезу о ленском или вилюйском пути продвижения предков якутов на север и считаем ли мы более древней вилюйскую или ленскую группы якутов, положения автора статьи о возникновении «бохорор» в особой изолированной группе населения остаются в силе. Использование этнографических данных в медицинских исследованиях, как показывает работа К. Г. Уманского, вполне перспективно.

И. С. Гурвич

¹ Мнение о том, что предки якутов проникли в Лено-Амгинскую котловину не с юго-запада, по Лене, а с северо-запада, более коротким путем — по р. Нюе, а затем по долине Вилюя — см.: Г. В. Ксенофонт, Урангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I, Иркутск, 1937, стр. 313—318.

² Ю. Г. Саушкин, Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза, М., 1947, стр. 32—34.

³ С. А. Токарев, Очерк истории якутского народа, М., 1940; его же, Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., Якутск, 1945; А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955.

⁴ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 454—455.

⁵ С. И. Николаев, Основные этапы этнической истории якутов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, М., 1957; А. С. Парникова, Расселение якутов в XVII — начале XIX в., Якутск, 1971.

⁶ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб., 1799, стр. 170—171.

⁷ С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III, СПб., 1912, стр. 782—783.